

Потом я уже ничего не боялась

Мой отец, латыш из-под Риги, профессиональный садовник. До войны работал в исполкоме Шлиссельбурга, занимался озеленением города. На берегу Невы у нас был свой дом. После войны мы с трудом нашли это место по остаткам кустов роз.

Недалеко от дома был еловый лес петровских времен. После войны здесь не осталось ни единого дерева.

6 сентября 1941 года, не встретив никакого сопротивления, в Шлиссельбург въехал на мотоциклах передовой отряд немцев. Перед их наступлением моя семья (отец, мама, три сестры, брат и я), как и все жители правого берега Невы, бежали из города поближе к Ленинграду. Бежали без вещей, в чем есть, надеясь вскоре вернуться в свои дома. Вместе с нами бежали и наши солдаты. Мама говорила: «Защитники тоже бегут!». Немцы стреляли трассирующими пулями. Но тогда еще был лес, и это спасло многих.

Мы добрались до станции Каменка (ныне Радченко), недалеко от станции Дунай.

8 сентября 1941 года в Шлиссельбург вошли немецкие танки. Кольцо блокады замкнулось.

На станции Каменка был создан лесоучасток, куда были мобилизованы все работоспособные. Мои старшие сестры (17 и 20 лет) работали на трелёвке леса. Отец правил пилы. Брат работал на заводе им. Воскова в Сестрорецке, был на казарменном положении.

Осень 1941 года — золотая, тихая. И каждый вечер ровно в 19:00 над нами с тяжелым воем пролетали немецкие эскадрильи, по 6—9 самолетов. Они летели бомбить Ленинград. Оттуда было видно громадное зарево. Горели бадаевские продуктовые склады (их разбомбили в первую очередь).

У нас, беженцев, не было ни лишней одежды, ни вещей, ни мебели. Голод начался почти сразу, в октябре.

На лесоучастке вырыли землянки. В них жили лесорубы. Было много ленинградцев, в основном женщины. Все работающие считались военнообязанными.

Зима 1941/42 годов — лютые морозы, до минус 40 и ниже. Это было горе. Но это было и благо. Замерзло Ладожское озеро, открылась ледовая дорога.

На дорогах лежали тела умерших, иногда с отрезанными мягкими частями. Пропадали дети — это было людоедство. Заглушая голод кипятком, люди пухли; трескалась кожа на

лице, руках и ногах. От дистрофии лица женщин (брюнеток) обрастали волосами.

Тем не менее работа в лесу — свежий воздух и движение — спасала жизнь. В столовой рабочих заставляли есть луб молодых сосен — от цинги.

На берегах речки наскоро вырыли землянки. Там поселили беженцев, пришедших позднее. Все они умерли зимой от голода и холода.

Холод заставлял людей наматывать на себя любое тряпье, из-под которого глядели безумные горящие глаза. Отличить мужчину от женщины было невозможно.

К нашей землянке каждый день приходила женщина по имени Фаина из этих речных землянок. Двое детей Фаины там и умерли. Муж ее умер на дороге, возвращаясь с работы. Она часами стояла под дверью и, глядя в прорезанное в двери маленькое окошечко, повторяла одну и ту же фразу: «Дайте кусочек хлеба». Мама прогоняла ее и плакала — хлеба у нас не было.

Мамочка (вечная ей память!) заставляла нас с сестрой Машей (13 лет) двигаться, вытаскивала на улицу «подышать».

В землянках было очень сыро. Кто ложился надолго, уже не мог встать.

Наша землянка была вырыта в лесу. Маму предупредили, чтобы она не оставляла меня на улице одну. Я сама видела, как из-за деревьев кто-то безумным взглядом следит за нами.

Чтобы спасти нас, мама давала нам чай (военные подарили!) и заставляла облизывать пальчики, обмакнув их в соль.

В январе — феврале 1942 года открылась Дорога Жизни, и в первый раз мы получили по карточкам настоящий хлеб. С корочкой! Мама смотрела, плакала и не решалась его резать. До этого иждивенцам выдавали по 125 граммов хлеба в день (один кусочек). Но это был не хлеб, а комок мякины с добавкой молотой древесной коры; у этого хлеба не было корки.

Вместо сахара по карточкам выдавали черные «ириски» из сгоревшего сахара, смешанного с землей и мусором, из того что можно было собрать на развалинах бывших бадаевских складов. Были еще шроты (отходы соевого производства) и кокосовый жир — вонючее серо-грязное вещество, похожее на жидкое мыло.

Неподалеку от нас, в сосновом лесу, разместили батарею с линкора «Марат». На самой

высокой сосне соорудили настил для коррек- тировки огня. Этот настил сохранился и после войны. Моряки иногда приносили с камбуза немного перловой или пшенной каши. Однажды притащили шкуру лошади. Лошадь подохла от голода – на батарее нечем было ее кормить. Отец нарезал шкуру кусками, закоптил, а потом мелко резал и варил черный «студень».

Весна 1942 года была очень теплой. Рядом с нашей землянкой воронка. В апреле в ней всплыл мертвый солдат. Я запомнила – вздутая грудь с карманчиками на гимнастерке.

С наступлением тепла моряки и батареи получили задание взорвать все землянки, выко- панные у речки. Живых людей там не осталось. А хоронить мертвых было некому. Половодье смыло тела умерших. Следы этих землянок остались и по сей день. Там растет земляника.

Летом нашу землянку стало затоплять водой, и мы переселились в палатку.

Немцы часто сбрасывали с самолетов листов- ки с карикатурами на Сталина и частушками:

За два мягких калача
Продам ученье Ильича.

Были листовки-пропуска: переходите, мол, к нам, на хорошую сытую жизнь. Все мы отно- сились к этому с иронией. К зиме мы снова стали жить в землянке.

Мужчины с трудом переносят голод. Осо- бенно большие и высокие, как мой отец. Он умер в сентябре 1942 года.

В том же сентябре 1942-го моего брата сняли с брони и отправили на Белорусский фронт. Он ходил «за языками». Но Бог его сберег. У меня хранится присланное в 1943 году моей маме письмо с благодарностью командования за вос- питание хорошего сына.

Для меня, как и для многих, самым значи- мым днем стало 18 января 1943 года – прорыв блокады. Мы жили вблизи линии фронта, от военных узнали, что 18 января, в пять часов утра начнется артподготовка, а затем штурм Шлиссельбурга.

К прорыву блокады прибыло большое пополнение: сибиряки-лыжники в новых белых полушубках и белых маскхалатах, высокие, сытые, веселые, здоровые.

Один из них пил у нас чай. Угостил солдат- ским сухариком – это было для нас настоящее пиршество. Он сказал моей плачущей маме: «Ничего, мамаша, мы еще кофе будем пить в Берлине!». Почти все эти замечательные пар- ни полегли при штурме.

Мои старшие две сестры были отправле- ны на погрузку раненых. Потом они нередко кричали во сне по ночам. Обе они (вечная им память!) были награждены медалями «За обо- рону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Брат мой стал кадровым офицером. Он умер в Риге в 1992 году.

Моя мама, вырастившая пятерых детей и сохранившая их в блокаду, до послед- них дней своей жизни (она скончалась в 1977 году) не получала от государства ни рубля, так как не имела стажа работы – зна- чилась домохозяйкой.

Став геологом, пройдя в студенческие годы трудную практику на Дальнем Востоке, а потом работая в безлюдных районах Сибири, я не боялась ни порогов, ни тяжелых маршрутов. Вероятно, все ужасы и страхи я уже пережила в своем блокадном детстве.

Не приведи Господь никому такое увидеть и пережить. Даже нашим недругам.

Лидия Фрицевна Штейн (род. 1931)

Род. на ст. Черная Речка напротив г. Шлиссельбург. Все время блокады прожила на лесоучастке на ст. Каменка (ныне Радченко) – месте работы стар- ших сестер и отца. В 1955 г. окончила геологический факультет ЛГУ. До 1997 г. работала во ВСЕГЕИ в отделе геологии и полезных ископаемых Сибири началь- ником партии и геологом первой категории. Соавтор публикаций и отчетов по стратиграфии, формационному анализу, алмазности. Участвовала в состав- лении шести листов Гостеолкарты масштаба 1 : 1 000 000 по Сибири и Якутии. Провела 25 полевых сезонов в Сибири, чаще всего в Якутии. Почетный геолог Якутии. Награждена медалью «Жителю блокадного Ленинграда», а также меда- лью Якутской республики к 60-летию Победы.

Текст приведен по изданию «Ветераны помнят» (СПб.: Изд-во ВСЕГЕИ, 2010. С. 93–96).